

Мурзилка

№ 5
МАЙ
1941
ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ПРИВЕТ СТАЛИНСКИМ ЛАУРЕАТАМ!

В день шестидесятилетия товарища Сталина наше правительство установило Сталинские премии. Эта высокая награда присуждена замечательным нашим ученым и изобретателям, артистам и художникам, архитекторам и писателям. Им присвоено почетное звание — „Лауреат Сталинской премии".

От имени всех наших читателей горячо поздравляем сталинских лауреатов и желаем им плодотворной работы на благо родины.

Дорогая редакция!

Мы услышали по радио, что наш любимый писатель Сергей Владимирович Михалков получил Сталинскую премию за свои интересные стихи. Нам очень нравятся его стихи „А что у вас?" и „Дядя Степа". Наши ребята хотят быть такими же моряками, как дядя Степа.

Поздравляем товарища Михалкова! Пусть он напишет для нас стихи о том, как дети белоруссы, украинцы, русские, грузины, татары, армяне и все другие ребята любят товарища Сталина.

Шурик Бухонкин и все ребята детсада города Добруш Белорусской ССР.

Флажок

А. Кардашова

Рисунок Е. Афанасьевой

Я в костюме новом, красном,
С красным бантиком атласным.
Башмаки мои скрипят:
— На парад... На парад...

Я для папы выбрал знамя,
Кисть потрогал, бахрому...
Но большое это знамя
Не дают нести ему.

Говорят: „У вас и так
Есть отличный красный флаг!"

Папа вверх меня подкинул:
„Ну, флажок, влезай на спину!"
Я уселся поудобней,
Папу я покрепче обнял.

Сколько флагов и флажков
Сзади, спереди, с боков!..

Поклонился мне плакат:
„Здравствуй, здравствуй, очень рад!"
Флаг ударил по плечу:
„Познакомиться хочу!"

Хорошо вверху сидеть,
С высоты на всё глядеть!
Вон стоят грузовики,
Вот нарядные ларьки.

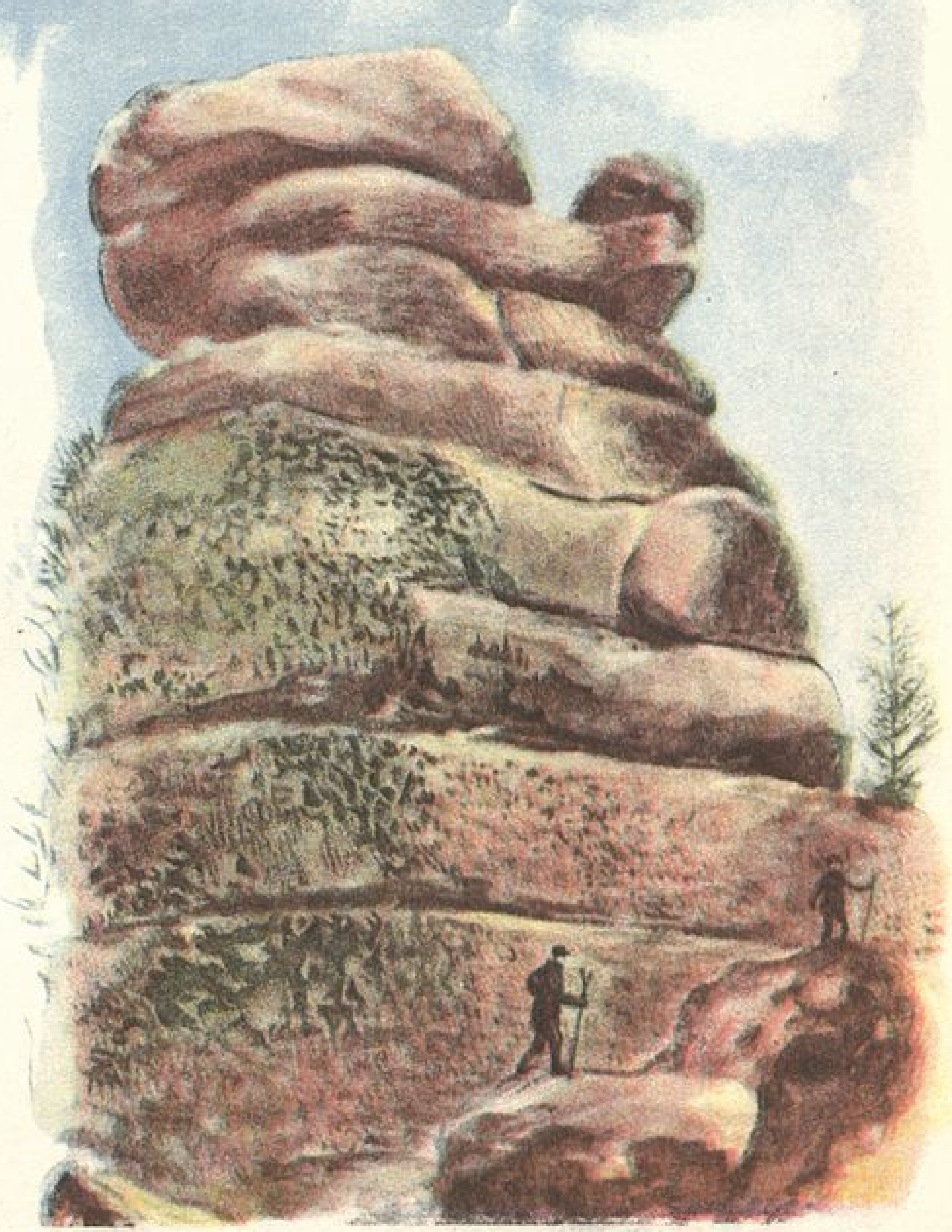
„Мальчик, хочешь пирожка?"
Мне кричат с грузовика.
А на что мне пирожок?
Я не мальчик — я флажок!

На обложке
рисунок В. Константинова:
„НА ДЕМОНСТРАЦИЮ".

НАДПИСЬ НА СКАЛЕ

В. Семенов

Вот какие причудливые скалы около Красноярска.

НАВИСШИЕ каменные громады словно заслонили свет солнца, и чем ближе к скалам, тем мрачнее становилась тайга. Двое — мальчик и взрослый — по камням взбирались к подножию скал.

— Так вот они какие — Столбы! Это же настоящие горы, — сказал мальчик и сел отдохнуть на камень.

— А ты думал, что они похожи на телеграфные? — засмеялся старший.

Петя только недавно приехал в Красноярск. Он много слышал о Столбах. Они гордо возвышались над бесконечной тайгой. И когда выдался солнечный свободный день, Петя упросил дядю пойти с ним на Столбы. Они шли быстро и перегоняли пешеходов. Это жители Красноярска шли отдыхать к своим любимым скалам. Здесь можно было полазить по крутым горам, побродить по тайге и посидеть вечером у жаркого костра.

— А вот и Второй Столб! — сказал дядя.

Перед ними была серая, гладкая, в несколько сот метров высотой каменная скала.

— Что это, буквы? — показал Петя на вершину Столба.

Высоко на темной скале светлели громадные буквы.

— СВОБОДА, — прочитал Петя. — Кто это написал?

Дядя еще раз поглядел вверх и сказал:

— Мы ничего не знаем об этом человеке. А жаль! Это, конечно, был смелый человек. Эта надпись появилась в 1899 году. Ты и сам видишь, что это не просто было сделать. На такую высокую и гладкую стену не влезешь. Этот человек, наверное, спустился с вершины на веревке. И ветер играл с ним, как хотел, потому что ветры здесь дуют постоянно. Получились страшные качели. Человек натыкался на каменные выступы, веревка жгла ему руки и могла перетереться об острые камни, но он не бросал своего дела. Скоро могучее слово засияло на скале. Оно звало нас на борьбу. Царские стражники хотели уничтожить надпись, но подняться туда боялись. И теперь она, как памятник большого мужества, возвышается над тайгой.

К этим скалам мы приходили в дни наших маёвок. Помню, как тридцать семь лет тому назад рабочие потихоньку собрались на маёвку к Столбам.

Часов в одиннадцать дня, а день как раз выдался солнечный, ясный, открылся митинг. Выступали большевики. Они призывали трудящихся объединиться для борьбы против царя, капиталистов и помещиков. Нас окружали скалы да молчаливая грозная тайга. Далеко были слышны наши бодрые песни. И вдруг под вечер налетели жандармы, засвистели нагайки, загремели выстрелы. Полицейские окружили костер и избушку. Они хватали и избивали людей. Рабочие быстро скрывались в темноте ночи среди знакомых им гор. А наши железнодорожники забрались вон в тот каменный коридор на Столбе. Он высоко расположен над землей, и к нему знали только один ход. Полицейские пытались проникнуть к нам, они стреляли в нас. А мы лежали за каменной стеной и слышали, как пули, ударяясь о камень, разбивались на мелкие кусочки. И горячие свинцовые капли падали на нас сверху. В каменном коридоре было темно и жутко.

Я лежал и думал о том человеке, который написал на скале гордое слово СВОБОДА.

Среди ночи один из наших вывел нас другим ходом. Все благополучно спустились и тайгой пошли в город. Так мы справили свой первомайский праздник и провели полицейских.

А сейчас — марш на Столб! — закончил свой рассказ дядя, и они стали осторожно подниматься на вершину.

Лев Квитко
Перевела с еврейского Е. Благинина

Рисунки Е. Евгана

Со шлангом

Неделя, как дворник
Лежит — заболел.
Неделя, как Яшка
Совсем ошалел.

Вот если б ему
Да совсем одному —
Со шлангом на улицу
Выйти б ему!

Алёшкину банду
Он смог уложить?
В пожарной команде
Он будет служить?

Так с этой кишкой
Он не справится, что ль?
— Ну что тебе стоит,
Ну, мам, ну позволь!

Позволила мама
Ему наконец.
Вот Яшка оделся,
Совсем как отец.

Он вышел, он к крану
Приладил кишку.
Сам смотрит украдкой —
Мол, будь начеку!

Что, взрослые дворники
Так ли стоят?
Наверно, они
Меж собой говорят:

— Вот Яшка так Яшка!
Смотрите, друзья! —
И вдруг из брандспойта
Рванулась струя.

Струя рассиялась
На солнце, как жар.
Блестит мостовая,
Блестит тротуар.

Дома отражаются
В этой красе.
Наверное, все поражаются,
Все!!!

Авто пробегает,
Сирена поет.
Струя меж колес
Извивается, бьет.

Идут пешеходы —
И сколько же их!
Ни капли воды
Не прольется на них.

И думает Яшка:
„Отец, да и мать
Хотят инженером
Меня увидать.

Ну что ж, я перечить
Не думаю им.
Вот выучусь, вырасту,
Буду большим, —

Блестящую каску
Себе я куплю
И хоть для себя,
А в команду вступлю.

Хорошее дело —
Пожарником быть!
А может, родителей
Уговорить?“

Так думает Яшка
Про долю свою
И ловкой рукой
Направляет струю.

А сколько ребят
У ворот собралось!
И как не собраться —
Завидно, небось?

К. Чуковский

Загадка

Рисунок Кеша

Я лаю со всякой
Собакой,
Я вою
Со всякой совою,
И каждую песню твою
Я вместе с тобою
Пою.
Когда же вдали пароход
Быком на реке заревет,
Я тоже реву:
У-у!

Н. Кальма

Рисунки А. Брея

ХАБАР

КОГДА в Кишинев пришла Красная армия и стало известно, что скоро откроются новые, советские школы, старый Илиеш заохал:

— Опять новую форму Юрку шить... Опять чернила покупать, хабар собирать учителям... Ох, почему деньги не растут у меня в огороде, как огурцы?

Юрко молча помогал деду собирать с грядок вторые огурцы. Тут были колючие пупырчатые нежинские, длинные и гладкие кавказские, круглые, тупоносые муромские и еще много других сортов, привезенных дедом из России. На весь Кишинев славился этими огурцами хозяин Илиеша — Иосиф Майглер.

Каждое утро серая лошадь Майглера останавливалась у хатёнки Илиеша и хозяин кричал:

— Живей, старик, поворачивайся!

Илиеш, кряхтя, взваливал на телегу корзины и мешки с овощами, собранными на заре. Хозяин морщился:

— Опять крупные огурцы! Я ж приказывал собирать только самые крохотные, для знатоков!

— Господин Майглер, дайте им хоть немножко подрасти, посидеть на грядке, — просительно говорил старый Илиеш. Он на каждый огурец смотрел как на живое существо.

Вместо ответа Майглер стегал лошадь кнутом и уезжал.

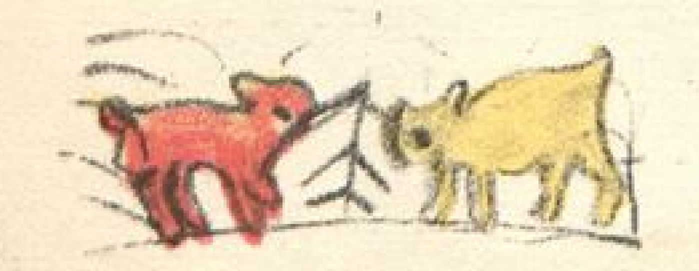
Теперь Майглер больше не появлялся. Вместе с другими купцами он удрал в Бухарест. Магазин его на главной улице стоял с заколоченными ставнями.

Огурцы, как будто обрадовавшись, что им дали волю расти, стали толстеть и удлиняться не по дням, а по часам. В хате Илиеша приходили к концу последние деньги, полученные от Майглера. Илиеш не знал, что делать.

Однажды на заре старик разбудил внука и велел ему собрать с грядок мешок хороших, крупных огурцов. Он сам решил нести их на базар.

Все ближе надвигалась осень. В виноградниках поспела „изабелла". Ребята бегали измазанные виноградным соком и толковали о Красной армии и о новых школах.

Говорили, что в советских школах мальчики учатся вместе с девочками, что чернила

будет давать школа, а главное, что в советских школах учителя не бьют ребят.

Впрочем, этому никто не верил.

— Как это можно, чтоб без битья! — говорил Юрко своему другу Луису Скодигору. — Разве может, например, наш Авентиев за целый урок никого не огреть линейкой?

— Конечно, не может, — кивал Луис. — Вон он меня как угостил за то, что я ему во-время не поклонился. — И Луис показал другу длинную царапину на руке.

Юрко и Луиса приняли в ту школу, где они учились раньше. Наступил первый день занятий. Накануне, как обычно, старый Илиеш принес от соседки Анны плетеную корзину с крышкой. Утром он дал корзину внуку:

— Вот хабар. Отдашь господину учителю.

Юрко взвесил на руке корзину:

— Кажется, тяжелые. А то как бы хуже не наделать! В прошлом году, помнишь, учитель разозлился и стал ко мне из-за каждого пустяка придираться...

В коридорах школы было так много ребят, что Юрко со своей корзиной еле протолкался к дверям класса. К нему навстречу бросились Луис, Ален Гендельман и другие знакомые мальчики:

— Слыхал? Мы действительно с девчонками будем учиться!

— Знаешь, у нас много новых учителей!

— А все-таки Авентиев остался! Я его видел, он по коридору шел...

Прозвонил звонок. Незнакомая белокурая учительница вошла в класс и стала рассаживать ребят.

— А ты, мальчик, сядешь с Катей Оленевой, — сказала она Юрку. — Она приезжая, дружи с ней, — и учительница подтолкнула к нему худенькую, по-мальчишески остриженную девочку.

Юрко собирался сказать, что не хочет сидеть с девочкой, но, поглядев на учительницу, оробел и ничего не сказал.

Новая соседка уселась рядом с ним, положила на парту аккуратненький портфельчик, вынула линованую тетрадку, обернулась к нему и спросила:

— Что это у тебя в корзине?

— Так... дело одно, — солидно сказал он.

— Ой, что-то там шевелится! — вскрикнула Катя и хотела нагнуться к корзине, но не успела: в класс вошел учитель.

Это был Авентиев. Его острые усы топорщились, как у злой кошки. Он был в синем длинном сюртуке, знакомом всем ребятам. Только вместо золотых пуговиц на сюртуке теперь были черные.

— Это наш географ, он самый сердитый, — не удержавшись, шепнул Юрко соседке. — Ух, и бьет больно!

— Бьет? Что ты выдумываешь!

— Святая Мария, не лгу — сама увидишь! — побожился Юрко, а сам подумал: „Сейчас отдать или после уроков?.. Нет, отдам после“, решил он.

Авентиев высморкался и оглядел ребят. От его холодного взгляда многим стало не по себе.

— Дорогие дети, — сказал вдруг учитель совсем новым, сладким, как варенье, голосом, — дорогие дети, сегодня, для первого знакомства, я расскажу вам о порогах и водопадах.

— А я уже это проходила! — сказала громким шопотом Катя.

Юрко обомлел: что она наделала, девчонка! Сейчас случится что-то ужасное! Сейчас Авентиев подойдет к Кате и будет бить линейкой по ее худеньким длинным рукам! Юрко нагнулся и схватил корзину: надо сейчас, сию минуту отдать ее учителю! Может быть, это смягчит его, отведет его гнев.

Но Авентиев продолжал как ни в чем не бывало рассказывать о водопадах.

На переменке Катя насмешливо сказала Юрку:

— Все-то ты наврал про учителя! Говорил — зверь, а оказалось — не зверь, а кисель.

Она снова хотела спросить про корзину, но тут подошли Луис и другие ребята.

— Ну, теперь если он кого пальцем тронет, его выгонят, — сказала Катя. — У нас таких порядков нет, чтобы ребят бить.

— Где это „у нас“? — спросил Луис.

— У нас — в Советском Союзе, — гордо ответила Катя.

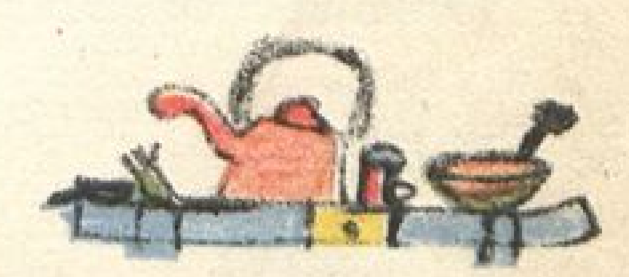
Мальчики отошли. Они не верили девочке.

Все-таки Юрко решил пока не отдавать корзину Авентиеву, а подождать: может быть, придет какой-нибудь более сердитый учитель.

Следующий урок был русский язык. Пришла та новая учительница, которая рассаживала ребят. Она писала на доске предложения, а класс хором читал их.

— „Трудящиеся Запада не верят нелепым выдумкам наших врагов про Советский Союз“.

— „Полки двинулись в поход“, — читали вслух ребята.

— Ко-ко... ко-коо... — раздалось внезапно в классе.

Учительница обернулась.

— Кто это шалит?

— Ко-коо... ко-ко...

— Кто это шалит, я спрашиваю? — повторила, покраснев, учительница.

Никто не отозвался. Учительница оглядела ребят и остановилась на опущенной голове Юрко. Именно оттуда, от парты Юрко, доносилось квохтанье.

— Встань, мальчик! Как твоя фамилия? — спросила учительница у Юрко.

— Илиеш, госпожа учительница, — вытягиваясь по-военному, но не поднимая головы, ответил Юрко. „Вот оно, начинается!" промелькнула у него мысль.

Катя что-то шептала ему, дергала его за рукав, но от волнения он ничего не понимал. Между тем квохтанье не прекращалось. Казалось даже, что оно становится все громче. Учительница все больше краснела.

— Стыдно, Илиеш, так вести себя на уроке, — резко сказала она. — Сейчас же перестань!

Учительница решительно подошла к Юрку. Мальчик весь сжался и закрыл руками голову:

— Ой, не бейте меня, госпожа учительница, ой, не бейте! Это не я, святая Мария, не я!..

И, прикрывая рукой голову, Юрко схватил корзину и протянул ее учительнице:

— Вот, возьмите, дедушка посылает...

Учительница с недоумением поглядела на испуганного до слез мальчугана и, пожав плечами, открыла корзину. В ней трепыхались две связанные рыжие курицы.

— Это что? Это зачем? — растерянно проговорила учительница, глядя на класс.

Отовсюду на нее смотрели спокойные серьезные лица кишиневских ребят: появление кур в классе никого не удивляло. Смеялась одна только Катя Оленева.

— Зачем ты принес в школу кур? — повторила учительница.

— Это хабар. Он хабар принес, чтобы его не наказывали в школе, — отвечали за Юрка ребята.

И тут случилась удивительная вещь: лицо учительницы из сердитого и удивленного стало вдруг серьезным и ласковым. Она села на скамейку рядом с Юрком и повернула к себе его голову.

— Не бойся меня, Илиеш, — сказала она, — я совсем не страшная.

И Юрко рассказал ей все с самого начала. Рассказал, как в школе учителя били ребят и как родители, чтобы смягчить учителей, посылали им хабар — взятку. Кто побогаче — деньгами, а кто победней — курами, овощами, вином. Рассказал и о том, как дед выменял на огурцы у соседки Анны двух рыжих кур, и о том, как трудно деду работать и добывать деньги. И чем дальше он рассказывал, тем серьезней и добрей становилось лицо учительницы, и даже Катя перестала смеяться, и в ее глазах заблестели какие-то непонятные искорки.

— Отнеси кур обратно дедушке, — сказала учительница, когда Юрко кончил свой рассказ. — Скажи ему, что в советской школе и в Советской стране нет и не будет хабара. Никто в советской школе не бьет ребят. Здесь все — и учителя и ребята — становятся товарищами.

И на этот раз и Юрко и все остальные ребята поверили.

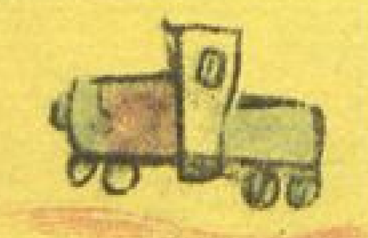

Рисунок А. Ромодановской

КОЛХОЗ В ГОРАХ

От цветущих долин и знойных пустынь Средней Азии по глубоким ущельям уходят в горы узкие тропинки. Выше и выше над пропастями тянутся они к снеговым вершинам памирских хребтов. Ездить по тропинкам можно только верхом на лошадях и ишаках, а груз возить вьюком. В недрах гор скрываются богатые залежи олова и других цветных металлов.

По долинам рек живут киргизы-колхозники. Они сеют пшеницу, горох, овес, пасут большие стада овец и табуны лошадей. Много надо приложить сил и уменья, чтобы получать здесь хорошие урожаи. Снеговые вершины и холодные ветры задерживают наступление летних дней. Рано начинается осень с ветром и снегом. Хоть это и юг, а климат в горах суровый, лето короткое, с холодными ночами.

Зато в начале лета склоны гор зарастают сочными травами, и колхозники из знойных долин гонят в горы на пастбища табуны лошадей, стада овец.

Здесь я нарисовала, как убирают клевер в киргизском колхозе села Каравшин. Оно находится в горах, на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря. Колхозники складывают снопы клевера на хлев для овец. Клевер на крыше не так будет занесен снегом зимой, и скот не сможет его растаскать.

САМЫЙ СИЛЬНЫЙ,

Один мальчик провожал свою бабушку в Киев. Бабушка все тревожилась: не опоздает ли она, доедет ли? На вокзале мальчик со своим папой пошли к паровозу. А бабушка осталась в вагоне — потому ее и не видно на картинке. Зато хорошо виден паровоз. Он очень красивый, очень длинный, очень высокий и очень новенький. И сразу видно, что он очень сильный и быстрый. Спереди написано: „И. Сталин“.

Мальчик поднял голову и заглянул в кабину машиниста. Он увидел мягкие сиденья, яркие лампы, рычаги, приборы. И ему захотелось в кабину. Но машинист сказал:

— Вырастешь, станешь машинистом, тогда приходи!

— Возьмите меня хоть в помощники, — попросил мальчик.

— Уже есть, — ответил машинист, — вот он, колеса смазывает.

— Ну, тогда кочегаром.

— Тоже есть! Вот, который котел протирает.

Тогда мальчик подумал и сказал:

САМЫЙ БЫСТРЫЙ

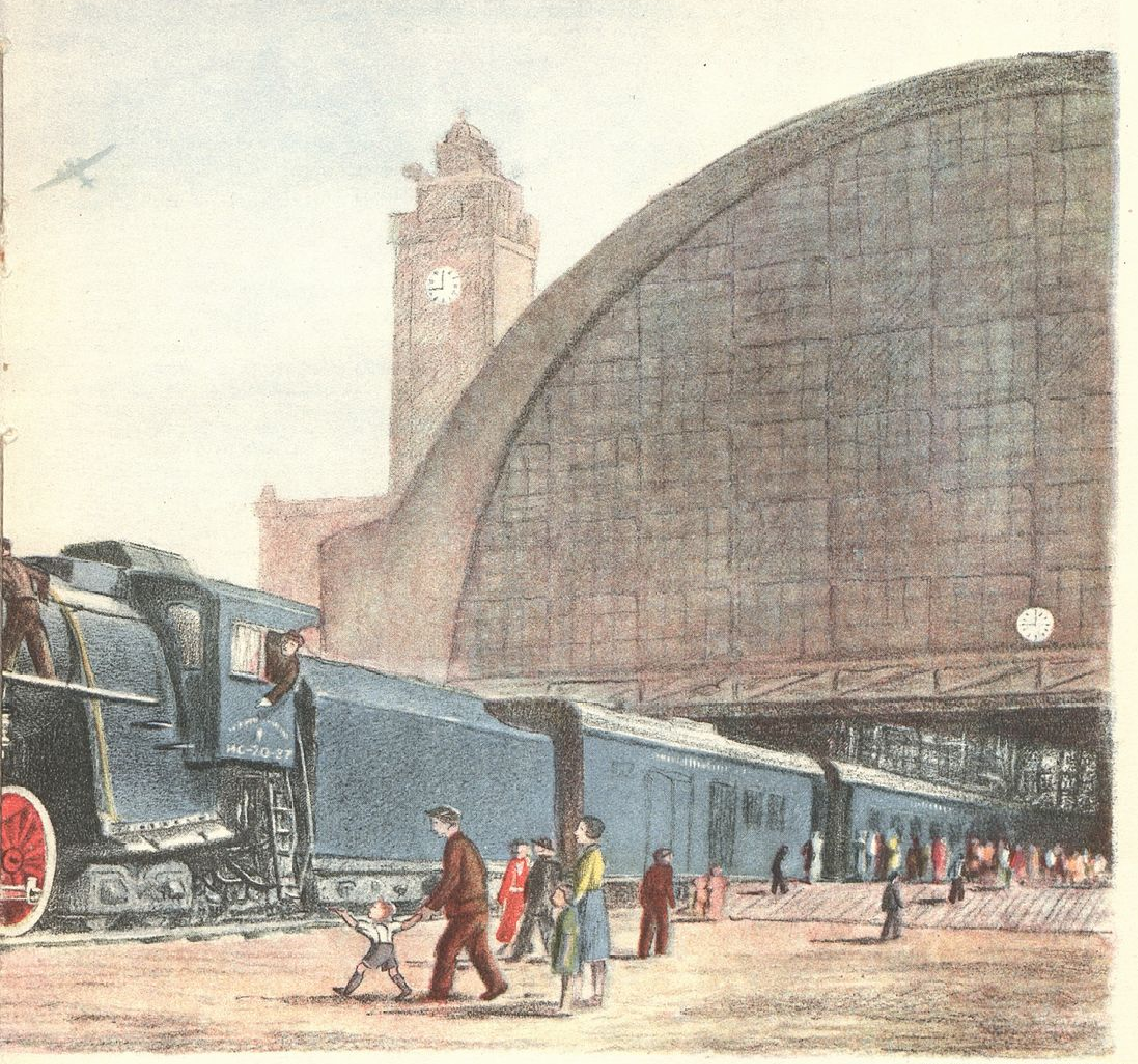

Рисунок В. Житенева

— Пожалуйста, возите осторожней! Вагон третий, место пятое, едет моя бабушка. Она очень старенькая.

— Не сомневайся! — ответил машинист. — Мы — кривоносовцы!

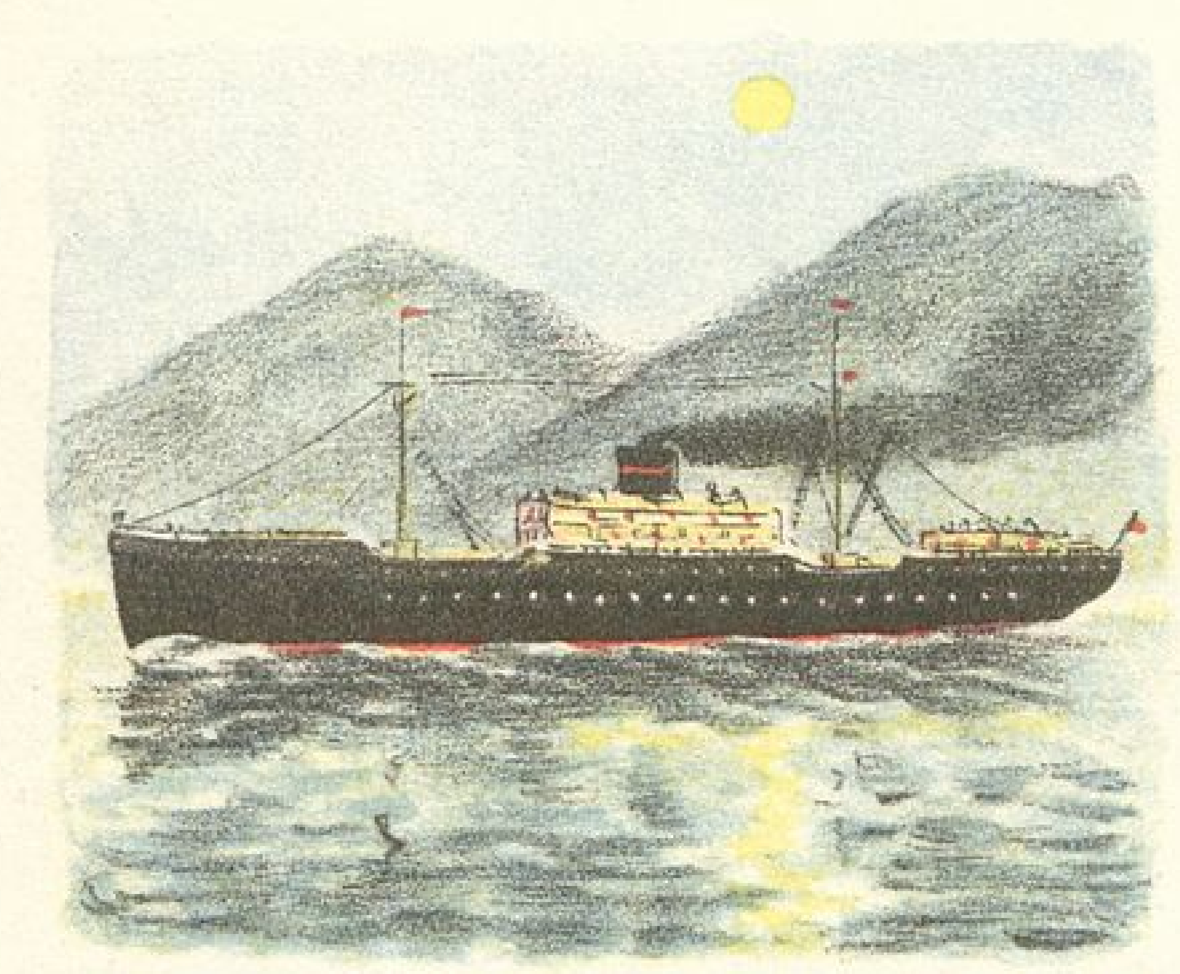
А папа стал рассказывать мальчику про паровоз. Мальчик сразу все запомнил и побежал к бабушке и стал говорить быстро-быстро, потому что до отхода поезда осталось две минуты:

— Бабушка, не сомневайся! Хорошо доедешь! Паровоз особенный — „ИС". Значит — „Иосиф Сталин". А построили его на Ворошиловградском заводе. А длина его — двадцать девять метров. А в час он пробегает сто тридцать километров. А везет он двадцать вагонов. А угля он берет...

— Провожающие, выйдите! — закричал проводник. — Сейчас отправление!

Мальчик с папой вышли, а бабушка уехала в Киев.

Ее вез самый лучший, самый красивый, самый сильный и самый быстрый советский паровоз „ИС", что значит „Иосиф Сталин".

А. Введенский

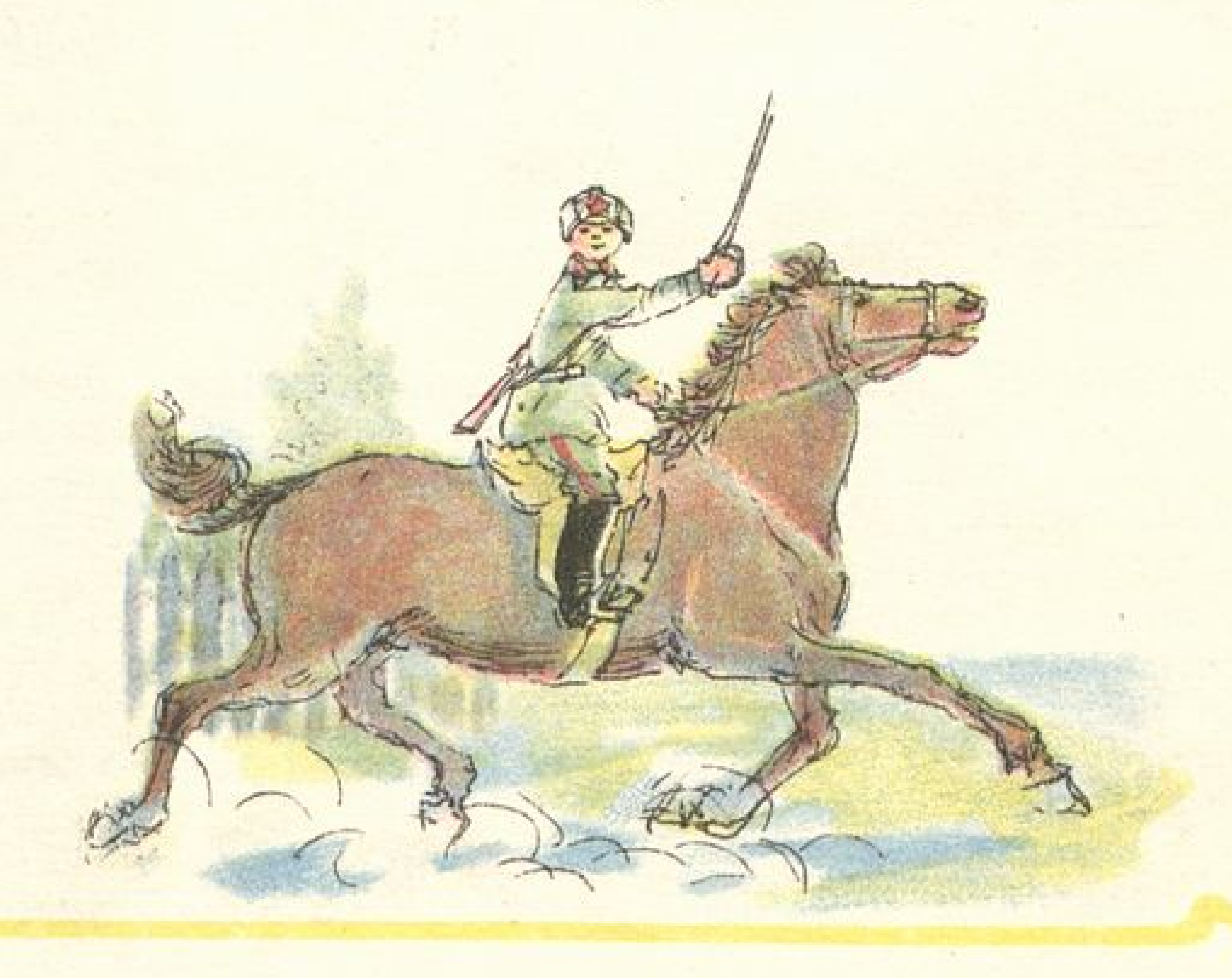
Пароход

Стоит у пристани в порту
Огромный пароход.
А на крутом его борту
Волнуется народ.
Один кричит: «Прощай, прощай!»
Другой: «Скорее приезжай!»
А третий машет всем платком —
И даже тем, с кем незнаком.
Гудок три раза проревет —
Пора в дорогу нам,
И пароход наш поплывет,
Качаясь по волнам.
Я буду на корме стоять,
Глядеть в ночную тьму,
И будут брызги залетать
На низкую корму.
Мне с борта левого видны
Лишь волны да густая мгла.
Дорожка светлая луны
По тем волнам легла.
А с борта правого видна
Моя любимая страна.
Гора большая, лес на ней,
Цепочка золотых огней...
И мы плывем, плывем, плывем
В далекие края.
Прощай надолго, милый дом
И верные друзья!

Конь

Смело сяду на коня.
Быстрый конь, вези меня
Мимо старого
Забора,
Мимо речки,
Мимо бора,
Мимо ровных тополей,
Мимо вспаханных полей!
Хорошо сидеть в седле
И глядеть кругом,
Завтракать в одном селе,
Ужинать — в другом.
Еду, еду,
Еду, еду
Понедельник,
Вторник,
Среду.
Еду день,
И два,
И три,
От зари
И до зари.
Ночь настанет — мы с конем
В чистом поле отдохнем.
Звезды светлые над нами.
Конь во сне жует губами.
Ночь беззвучна,
Ночь тиха,
Сладко отдыхать!
Даже пенья петуха
В поле не слыхать.

Рисунки В. Веретенникова

Чудесные брюки

Н. Носов

Рисунки К. Елисеева

Это были чудесные штаны: зеленые, вернее сказать — защитного цвета, точь-в-точь какие носят красноармейцы. Хотя они были не совсем длинные, Бобка важно называл их брюками и очень ими гордился. Когда он выходил в них на улицу, нос его сам собой задирался кверху, грудь выпячивалась колесом, а ноги шагали легко и быстро, будто их кто-то подталкивал сзади: „Ать—два! Ать — два! Ать — два!“ Прохожие останавливались, улыбались вслед Бобке и говорили:

— Вот это герой! Вояка!

Вот какие это были чудесные брюки.

Один раз Бобка шел по улице, а на него из-за забора залаяла собака. Бобка, конечно, остановился и стал сквозь забор палкой тыкать. Собака рычала и грызла палку зубами. А Бобка смеялся:

— Глупая, думает, палке больно!

Собака разозлилась, отыскала в заборе дыру и выскочила на улицу кусать Бобку. Бобка бежать, а она — цап его за штаны! Он упал и давай орать с перепугу. Такой крик поднял, что собака поджала хвост и бегом от него. Бобка вскочил и скорей домой. Прибежал, запыхался.

Мама спрашивает:

— Что с тобой?

— Ничего.

— Чего ж ты прибежал, словно за тобой волки гонятся?

— Я есть захотел.

— Так сильно захотел, что бегом бежал?

— Да.

— Что-то ты сочиняешь! — покачала головой мама.

Тут она заметила у него на штанах дырку.

— А это что?

Бобка говорит:

— Дырка.

— Я и сама вижу, что дырка. Зачем порвал?

— Это не я. Это собака.

— Какая собака?

— Ну, какая, какая! Обыкновенная!

— Может быть, бешеная?— забеспокоилась мама.

— Нет, не бешеная.

— Ты, наверно, дразнил ее?

— А зачем она на меня лаяла? Я иду, никого не трогаю, а она — „гав! гав!“

— Так надо дразнить? Пусть себе лает, лишь бы не трогала! Может, она искусала тебя?

— Нет. Только штаны порвала. Зашей, пожалуйста, мама.

— Ну уж нет! Ты будешь собак дразнить, штаны рвать, а я — зашивай? Сам зашей.

— Я не умею.

— Ну, ходи так, если не умеешь.

— И буду ходить! — проворчал Бобка.

Ему хотелось пойти к игрушечному магазину, посмотреть на витрине игрушки. Он вышел на улицу, но тут его остановил дворник, дядя Андрей.

— Эге-ге! — сказал дядя Андрей. — Это не годится!

— Что не годится? — не понял Бобка.

— Не годится, брат, не годится! Не по уставу!

— Что не по уставу?

— Дырка, брат, вот что! Брюки-то у тебя военные, а с дырой. По уставу, зашить полагается.

— Я говорил маме, да она не хочет, — стал оправдываться Бобка.

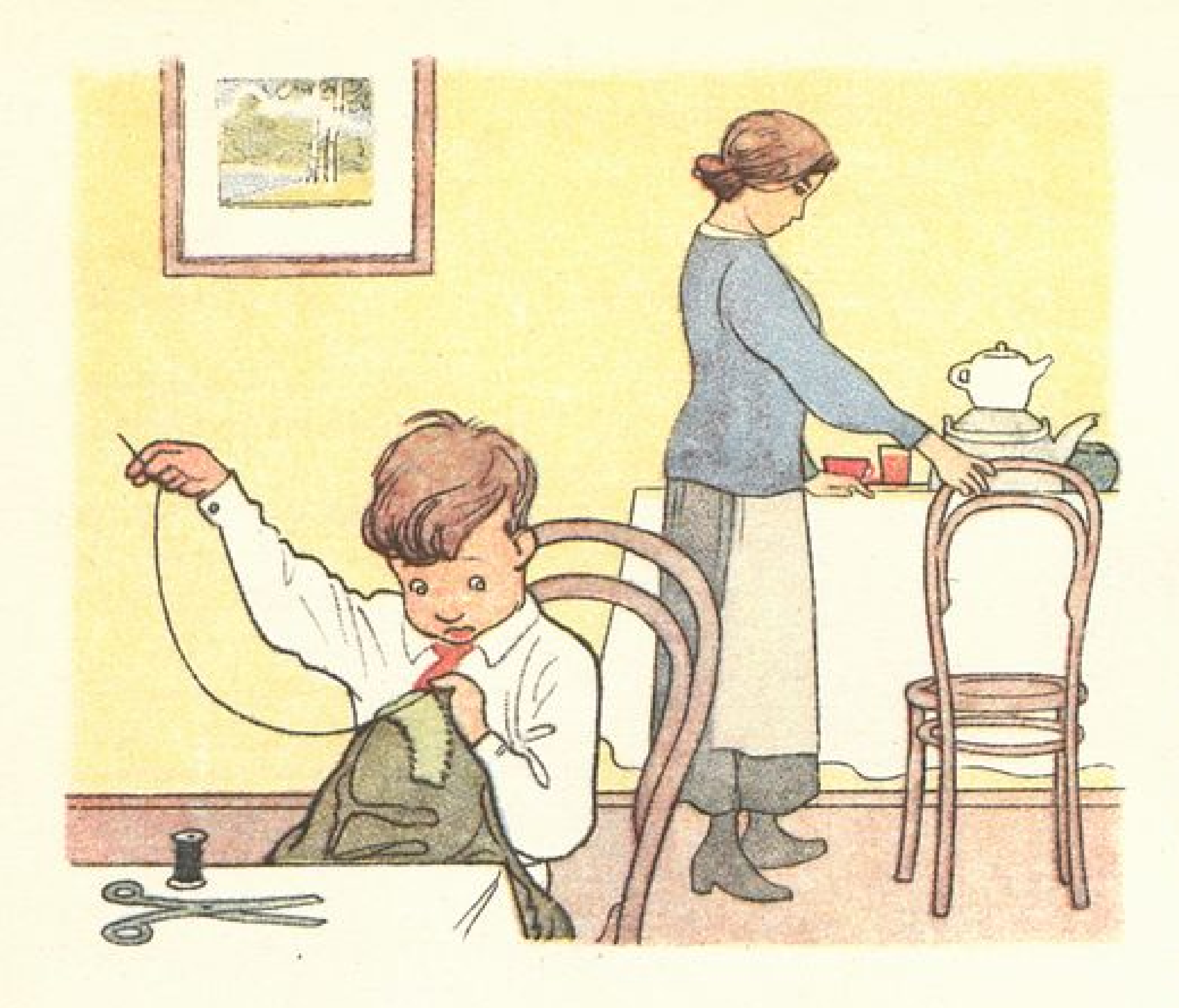
— Маме? — удивился дядя Андрей. — Какой же ты красноармеец, если мама будет тебе штаны зашивать? Сам должен!

— Я не умею.

— Надо научиться. Пойдешь в Красную армию, там, брат, мамы не будет. Там все нужно самому уметь делать... Вот когда я служил в армии, в старой, — стал рассказывать дядя Андрей, — у нас на этот счет строго было. Был у нас унтер, сердитый такой! Чуть только заметит у кого на гимнастерке хоть малюсенькую дырочку, сейчас же подойдет, просунет в дырочку палец да ка-ак рррванет! Так всю рубашку и располосует. Вот тогда и

Увидев лентяя, я говорю:
— Спокойно, снимаю... Благодарю!

сиди зашивай! Пока дырочка маленькая, думаешь — не заметно, а как он разорвет, тогда уж самому неудобно. Так и приучил всех зашивать.

— Ну, это в старой армии! — протянул Бобка.

— А ты думаешь, в Красной армии можно оборванцем ходить? Нарочно рвать на тебе обмундирование теперь, конечно, никто не станет, но зашить все-таки ты должен, потому что в армии каждая мелочь — пуговица там или пряжка — большое значение имеет.

Бобка потоптался на месте.

— Ну, я пойду, дядя Андрей!

— Иди, друг, иди!

Бобка побрел к магазину. Он больше не гордился своими брюками. Ему казалось, что прохожие оглядываются на него и посмеиваются. Он старался не попадаться никому на глаза и крался вдоль стен и заборов, точно вор. Нос его уже не задирался кверху, грудь не выпячивалась колесом, а ноги заплетались на каждом шагу. Не дойдя до магазина, он повернул обратно. Ему уже не хотелось смотреть игрушки.

Дома Бобка взял иголку, нитки, отыскал кусочек зеленой материи и вырезал из нее заплатку, похожую на большой огурец. Потом продел нитку в игольное ушко и стал пришивать этот огурец к брюкам. Он очень торопился и пришивал заплатку огромными стежками. Иголка высовывалась из материи и впивалась ему в пальцы.

— Колется, противная! — ругал Бобка иголку и хватал ее осторожно, двумя пальцами, как будто это была оса.

Он долго кряхтел и сопел... Наконец работа была окончена, и Бобка надел штаны. Заплатка была пришита неровно и торчала на брюках, точно сушеный гриб. Материя вокруг нее сморщилась.

— Никуда не годится! — проворчал Бобка. — Еще хуже, чем без заплатки.

Он вертелся перед зеркалом, приглаживал заплатку рукой, но это ничуть не помогало.

— Ну, хорошо же! — пригрозил Бобка заплатке. — Я тебе покажу!

Он снял брюки и отпорол заплатку ножом. Потом приложил ее снова к дыре, аккуратно обвел вокруг чернильным карандашом и принялся за работу снова. Теперь он пришивал мелкими стежками точно по карандашу и так увлекся, что даже не заметил, как прошло время. Зато, когда все было сделано, на заплатку любо было посмотреть. Она была пришита ровно и гладко и так крепко, что не отодрать и зубами. Бобка надел брюки и долго вертелся перед зеркалом.

— Эх, — говорил он, — мне бы еще пуговицы научиться пришивать, да жаль, ни одна не оторвалась! Ну, ничего, может быть когда-нибудь оторвется — обязательно сам пришью!

Бобка повесил через плечо свое игрушечное ружье и пошел гулять. На дворе он увидел дядю Андрея и нарочно стал вертеться возле него.

— Вот это хорошо! — сказал дядя Андрей. — Пришил ведь! И хорошо! Теперь и я скажу, что из тебя хороший красноармеец получится.

Бобка почувствовал в груди такую большую радость, что готов был прыгать и петь. Нос его сам собой задрался кверху, грудь выпятилась колесом, а ноги, будто их кто-то подталкивал сзади, сами зашагали по улице прямо к игрушечному магазину: „Ать — два! Ать — два! Ать — два!“

Прохожие на улице останавливались, улыбались и говорили друг другу:

— Вот герой так герой! А заплатка, смотрите, карандашом обведена — сразу видно, что сам зашивал! Вояка!

2

Снимок первый. Вася не плачет,
Но у Васи угрюмый вид.
Конечно, он мог бы решить задачу,
Но, сами видите, — зуб болит.

РОВЕСНИЦА МОЯ

Н. Саконская

Я встала рано-рано —
И в рощу налегке.
Там
Ждут
Меня березки,
Укрывшись в холодке.
Они
Стоят
Все рядом,
Их целая семья;
А самая меньшая —
Ровесница моя.
Мне нынче
Ровно восемь,
И ей
Девятый год.
Ей только алой ленты
В косе
Недостает.
Я подошла поближе,
Стала и стою.
Дай-ка я ей песню
Новую спою!..

Спасибо каждой ветке
За то, что здесь растет;
Спасибо каждой птице
За то, что здесь поет;
И галке косолапой,
Хоть я над ней смеюсь,
И даже злой крапиве,
Хоть я ее боюсь.
Они мои соседи,
Они моя родня,
И всем им
Вот такое
Спасибо от меня!
Стоит, не шелохнется
Березкина семья;
Понравилась, как видно,
Песенка моя...
Притихла и меньшая,
Да как
Тряхнет
Косой!
И вот я вся умыта
Прохладною
Росой.

ЖЕЛТЫЙ, БЕЛЫЙ И ЛИЛОВЫЙ

Н. Павлова

Сказка

Был такой хороший весенний день, что даже навозному жуку захотелось приподнять свои пыльные крылья и полететь. Увидев попрыгунью-кобылку, он спросил, где она живет.

— На желтом лугу, — сказала кобылка. — Там цветут сурепка и свербига, одуванчики и лютики. Как блестят лепестки у лютика! В них видишь мордочку другой кобылки. Знаешь, как это бывает, когда глядишь в воду.

— Я прилечу к тебе и посмотрю, — сказал навозный жук.

И он стал собираться. Но по привычке все копался и копался. И прокопался очень долго. А когда он полетел, то не нашел желтого луга. И при встрече пожаловался кобылке.

— Ах, — сказала кобылка, — да ведь луг-то теперь не желтый, а белый! Там цветут тмин и ромашка, дрёма и подмаренник. Какие маленькие цветочки у подмаренника! Заберешься между ними, и точно облачко вокруг тебя. А как пахнет!

— Я прилечу к тебе и понюхаю, — сказал навозный жук.

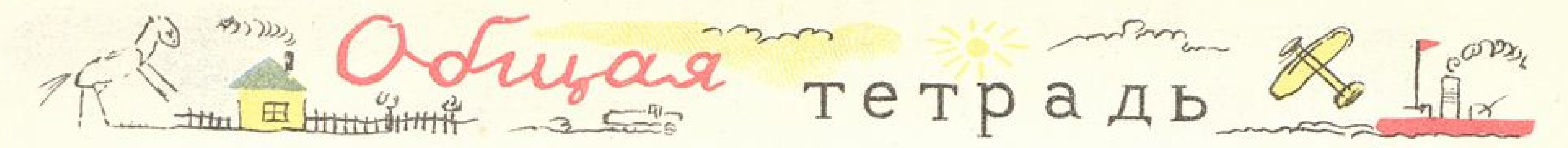
И он стал собираться. Но по привычке все копался и копался. И прокопался очень долго. А когда он полетел, то не нашел белого луга. И при встрече пожаловался кобылке.

— Ах, — сказала кобылка, — да ведь луг-то теперь не белый, а лиловый! Там цветут колокольчики и скабиоза, полевая герань и мышиный горошек. Какие забавные усики у мышиного горошка! Он цепляется ими за травинки. И на нем так славно качаться!

— Качайся на здоровье! — сказал навозный жук. — А я больше туда не полечу. Уж не расцветут ли там завтра черные цветы? Нет, я предпочитаю свою родную дорогу. Навоз всегда навоз. И пыль всегда пыль. А серый цвет для глаз всего приятнее.

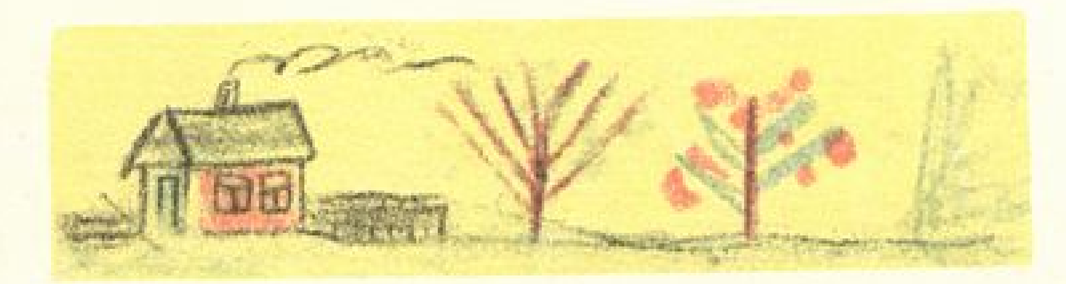
Посмотрите, что такое:
Заболели сразу двое.

ПРАЗДНИК

Развеваются плакаты,
Над Москвой шумит весна.
Улыбаются ребята,
Улыбается страна.
Первый Май гремит повсюду!
Сколько песен и цветов!
Сколько в небе самолетов,
Сколько танков на земле!
Сколько красненьких флажочков
Развевается везде!

Лися Ермакова, 9 лет. Москва.

В этом году ребята советских республик Прибалтики впервые будут свободно праздновать Первое мая.

ПЕРВОЕ МАЯ 1934 ГОДА

Это было в 1934 году. Отец взял меня с собой на рабочую первомайскую демонстрацию. Я ходил с красным флагом. Все было очень интересно.

Но вскоре после этого счастливого дня наша жизнь резко изменилась. Отца уволили с завода, потому что он коммунист. Полиция у нас часто делала обыски. С каждым днем жизнь становилась все ужаснее. Отец уж и не мечтал устроиться на работу. И вдруг пришло счастье: 17 июня 1940 года Красная армия навсегда освободила нас от нужды и горя. Отец мой теперь работает, а я стал пионером.

Гунар Цельминш, 11-я основная школа. Рига.

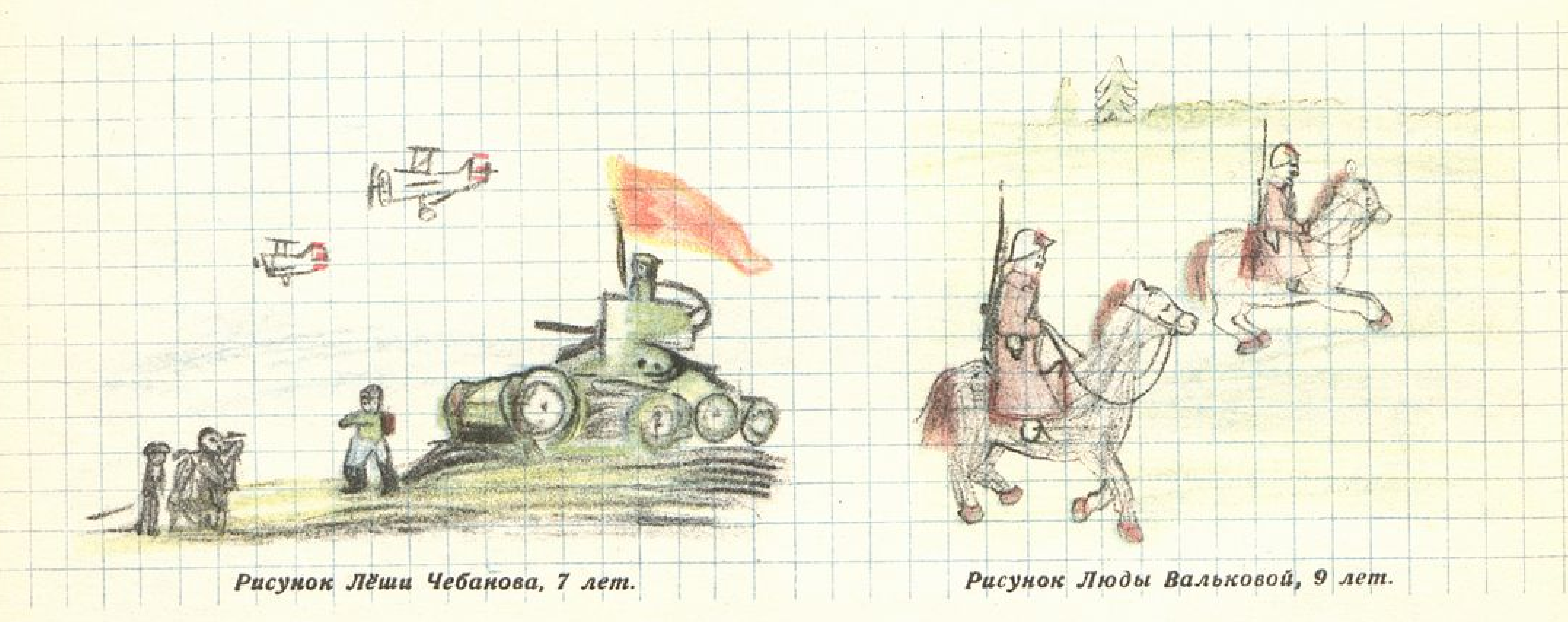

Рисунок Лёши Чебанова, 7 лет.

Рисунок Люды Вальковой, 9 лет.

ПОДАРОК

Надолго я запомнила Первое мая 1938 года. Отец с товарищами по заводу рано утром ушел на первомайский митинг. Меня он с собой не взял: митинг проходил за городом, чтобы не узнала полиция. Уходя, отец обещал мне принести портрет товарища Сталина.

С большим нетерпением я ждала возвращения папы. Наконец он вернулся. Свое обещание он выполнил. Как я обрадовалась, что увидела товарища Сталина! Вокруг него были дети. Это был для меня самый дорогой подарок.

Два года я далеко его прятала, чтобы никто не видел. Если бы полиция узнала, что в нашем доме есть портрет товарища Сталина, она арестовала бы отца. А теперь благодаря непобедимой Красной армии мы стали гражданами Советского Союза.

Портрет висит на стене, и все его могут видеть.

Гайда Гиргенас, 3-й класс „Б“ 24-й основной школы. Рига.

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 4:

1. Соль. 2. Река. 3. Комар.

„Военные тайны“

О. Писаржевский

(Продолжение. Начало смотри в №№ 1, 2, 3 и 4)

Рисунки Л. Захваткина

Со слов одного из своих друзей — участника освободительного похода в Западную Белоруссию — лейтенант рассказал ребятам, как однажды было найдено хорошо замаскированное подземное укрепление, в котором отсиживалась банда польских офицеров.

Разведывательный отряд под командой лейтенанта Свидерского обследовал район, где, повидимому, скрывались враги.

Никого нигде не было.

Но вот на одной лесистой возвышенности лейтенант увидел в траве камень. Обыкновенный серый камень, кусок гранита. Кому охота обращать внимание на камни, валяющиеся в поле! Но разведчик должен примечать всё.

Лейтенант увидел на камне острые углы. Как попал сюда остроугольный камень? Обычные камни, которые мы находим в поле или в местах, где нет никаких гор, занесены сюда в древние времена. Их притащили с собой могучие ледники, которые наползали с севера и когда-то, давным-давно, покрывали почти всю территорию СССР. Потом климат потеплел, льды растаяли, а камни остались. Они называются валунами, эти обломки далеких северных гор. За время своего долгого пути они обдирались, сглаживались, становились почти круглыми. А остроугольный камень доставлен сюда человеком для какого-то строительства. Но что могло строиться в этой лесной глуши? Скорее всего, военное укрепление... А значит, его и надо искать!

Конечно, лейтенант не стоял и не размышлял над камнем так длинно. Увидев камень и заметив его острые края, он тотчас приказал тщательно обыскать высоту. Скоро бойцы его отряда действительно обнаружили искусно спрятанный — заложенный кусками дерна — вход в укрепление.

Офицеры были разоружены.

* * *

Маленький Петька с увлечением слушал рассказы о разведчиках.

Что готовит противник? Где его слабые места? Что он делает или собирается делать? Все это должен узнать разведчик и рассказать своим.

Разведчики знают, насколько важно их дело. Они зорко всматриваются, их слух обострен, мысль напряженно работает.

Впереди деревня. Избы занесены сугробами снега. Но почему среди бела дня топятся печи? Разведчик соображает: сейчас день, топить печи не время — хозяйки это делают обычно с раннего утра. Не распоряжаются ли в деревне незваные гости?

Разведчик прислушивается. Как всегда, далеко от деревни слышен разноголосый собачий лай. Но сейчас он какой-то особенный.

Обычно собаки лают лениво, словно переговариваясь. А сейчас они заливаются испуганно, нервно, звонко. Нет, не зря лают собаки. Наверно, в деревне остановился вражеский отряд...

Разведчик умеет читать по вещам.

Вот разведка вышла из лесу на недавнюю стоянку отступающего врага. Ноги задевают за несмотанные телефонные провода. Валяются какие-то ящики, коробки с патронами, винтовки. Внимательный разведчик соображает, что враг уходил торопливо, что дисциплина у него ослабла. Разве дисциплинированный боец бросит свое оружие?

О том, сколько людей во вражеском отряде, можно

Очень и очень я озабочен:
Уже у Коли начались боли,
Или мой аппарат неточен
Или у нас эпидемия в школе.

узнать по пустым консервным банкам, по окуркам, по следам коней, стоявших на привязи... Разведчик должен всё слышать, всё видеть.

* * *

Наконец лейтенант назначил день игры.

Два отряда сражались друг с другом. Наступление начиналось от заранее условленных линий. Возле этих линий в тылу, позади отряда, был спрятан штаб. Это был флажок, воткнутый в землю. Возле флажка находился часовой. Переносить флажок до конца игры нельзя, прятать его тоже нельзя.

Каждый отряд должен одновременно охранять свой штаб и стараться взять штаб противника. Но где именно находится штаб противника, неизвестно. Это должны выяснить передовые разведчики. Они должны действовать ловко и незаметно. Дело в том, что если

одного бойца изловят двое „противников", — он считается убитым и выходит из игры. Значит, надо суметь выследить одинокого разведчика, неожиданно напасть на него вдвоем и тем самым вывести его из строя. Потом надо, тоже вдвоем, напасть на штаб, вывести из строя часового, а знамя отнести в свой собственный штаб. Но если часового при штабе может увидеть всякий, то где-то рядом спряталась и охрана. Разведчик должен выяснить, как она велика. Если он это узнает — он узнает таким образом, сколько бойцов противника отправилось в нападение. Ведь надо оберегать и собственный штаб...

...Игра шла полным ходом. Ловкие ребята из отряда Воронецкого быстро доползли незамеченными в тыл отряда Любы. Передовая разведка обнаружила в кустах несколько замаскированных фигур. Они изредка шевелились, оглядывались...

Разведчики донесли своему командиру, что обнаружены четыре „противника". Виктор Воронецкий решил бросить против них почти весь свой отряд.

— Известно, девочка, — говорил он своим бойцам, — она в наступление не пойдет. Наверно, весь отряд поставила на защиту своего штаба.

Он приказал своим бойцам разделиться по двое и вывести как можно больше бойцов „противника" из строя.

Но отряд Виктора настиг и вывел из строя только одного живого „противника". Все остальные были чучела, сделанные из соломы и одетые в платья. От чучел шли веревочки, которые сходились за одним кустом. С помощью веревочек один настоящий боец заставлял двигаться эти соломенные фигуры.

А штаб — он был совсем не здесь. Его еще нужно было искать.

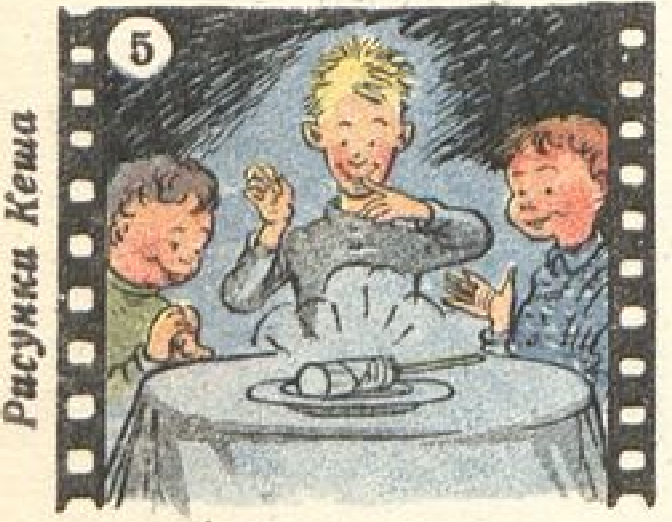
Тем временем отряд Любы открыл почти не охранявшийся штаб Воронецкого и захватил знамя. Пока бойцы отряда Воронецкого разглядывали чучела, отряд Любы вместе с захваченным знаменем противника с веселыми криками вернулся на территорию своего штаба. Игра кончилась...

Когда все ребята собрались вместе, Люба рассказала, что такими соломенными чучелами провел однажды белофиннов доблестный красный разведчик Иван Комаров. Она слышала рассказ о его подвигах по радио.

— Я тоже кое-что слышал по радио, — заявил маленький Петька и ни за что не хотел рассказать, что́ именно он слышал и как собирается использовать новые сведения в игре. Разведчик должен уметь молчать.

Петька твердо решил постоять за честь своего отряда в следующей игре. Отряды спорили между собой: кто лучше выполнит очередную задачу лейтенанта, быстрее и точнее передаст донесение.

Продолжение будет в следующем номере.

Заснял на перемене я
Момент выздоровления.

Мои фотографии им не понравились,
Но посмотрите: они... поправились!

МУШМУЛА И МИНДАЛЬ

Цветы японской мушмулы.

Японская мушмула.

Мурзилка через кругоскоп увидел на берегу Черного моря, на Кавказе, хорошенький садик, и ему очень захотелось узнать, кто там живет и что там растет. Мурзилка послал туда телеграмму и получил от хозяйки сада письмо и картинки. Вот что она написала:

„Приезжайте ко мне в гости. Адрес простой: Кавказ, селение Лазаревское, а там уж каждый покажет, как меня найти, только спросите, где сад художницы.

А сад у меня замечательный. Много в нем цветов и плодов. У меня есть и такие растения, которые растут только в жарких странах: мандарины, гранаты, маслины. И чай растет. Мне покупать его не надо — свой пью.

А одно дерево есть совсем особенное. Называется — японская мушмула. У него „все не как у других". Цветет осенью, фрукты зреют зимой, а весна пришла — уже поспели. Красивые, ярко-желтые. Вот я их на картинках нарисовала.

Еще я нарисовала миндаль. Цветет он тогда, когда в Москве идет снег и ребята украшают новогодние елки. А поспевает миндаль осенью. Бывает миндаль сладкий, бывает горький, но зато ароматный.

Напишите в „Мурзилку", какие цветы и фрукты у вас растут и какие вы больше всего любите.

Надежда Артемьевна Усова".

Миндаль цветет.

Миндаль созрел.

Цена 1 рубль

Сторожевой корабль „Ураган"

Это сторожевой корабль Военно-морского флота СССР „Ураган". Сторожевые корабли небольшие: длина их около 70 метров. Они ходят в море дозором, сторожат наши морские границы.

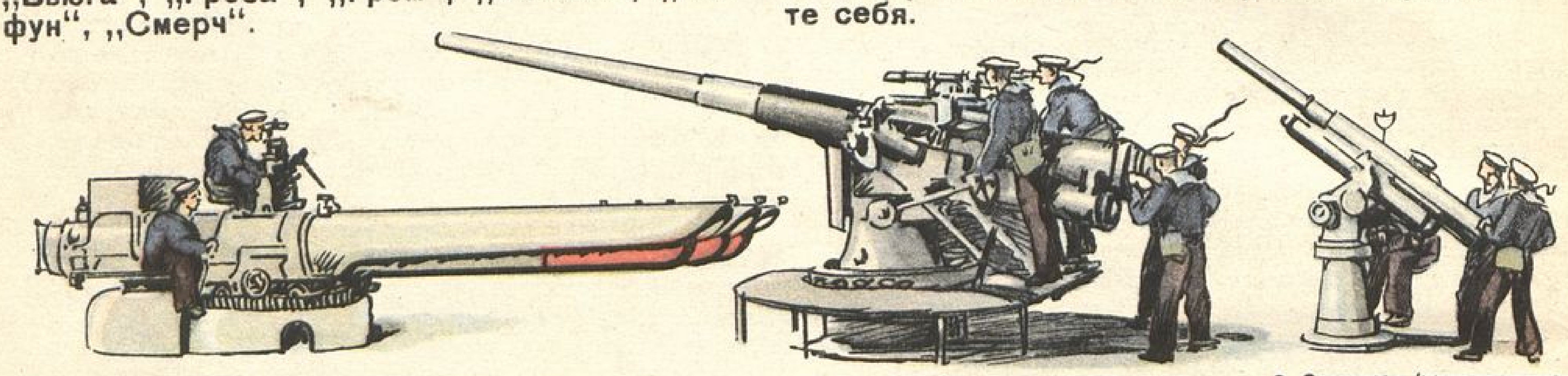
Во время войны сторожевые корабли охотятся за вражескими подводными лодками и охраняют от них большие корабли и гавани.

Мы построили на всех наших морях много сторожевых кораблей, и все они похожи один на другой, как близнецы. И названия у них подобраны одно к одному: „Бурун", „Вихрь", „Вьюга", „Гроза", „Гром", „Метель", „Тайфун", „Смерч".

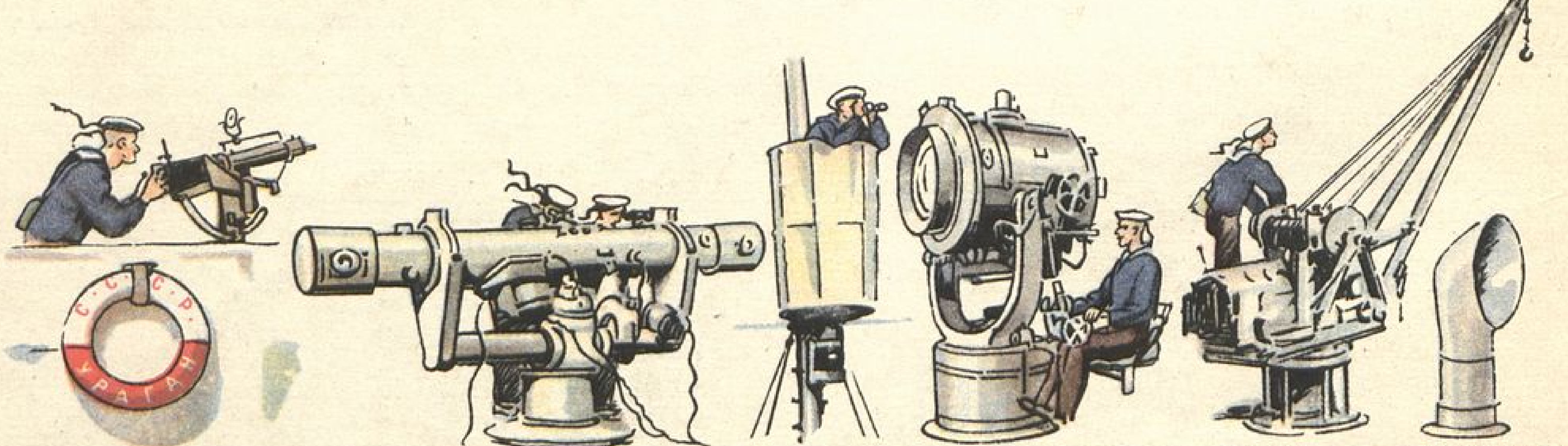
Внизу нарисовано все самое важное, что есть на сторожевом корабле. Рассмотрите рисунки вместе с товарищами и поищите эти вещи на корабле. Кто быстрее найдет, тот самый зоркий.

Хотя военные корабли бывают разные — линкоры, крейсеры, эсминцы и другие, но на всех военных кораблях есть много одинаковых вещей. Например: прожекторы, шлюпки, дальномеры; и если вы где-нибудь увидите настоящий военный корабль или хотя бы рисунок или фотографию с него, то вы сразу разглядите на нем знакомые вам вещи.

Теперь посмотрите на корабль и проверьте себя.

1. Трехтрубный торпедный аппарат—стреляет торпедами.
2. Орудие среднего калибра.
3. Зенитное (противосамолетное) орудие.

4. Пулемет.
5. Дальномер. Служит артиллеристам для точного измерения расстояния до противника.
6. „Воронье гнездо" — бочка для сигнальщиков, наблюдающих за горизонтом.
7. Прожектор. Служит для освещения отдаленных предметов и для сигнализации как днем, так и ночью.
8. Кран для погрузки на палубу мин и глубинных бомб против подводных лодок.
9. Вентилятор.

Рисунки В. Голицына

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. Г6-12-60.

Ответственный редактор В. И. Семенов.

Подписано к печати 9/IV 1941 г. Объем 2,5 печ. л., в 1 печ. л. 32 000 знаков (2,8 уч.-изд. л.).

А36565. Заказ № 610. Тираж 250 000. Цена 1 рубль.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.